

и частной собственности, требуя от частно-инициативного хозяйства, чтобы оно блюло русские национальные интересы и действительно вело к изобилию и щедрости, а от частных собственников — справедливого и братского хозяйствования.

Знаем, что для этого необходимы предпринимательский и организационный талант, живое чувство справедливости и органическая христианская доброта сердца. Талантом нельзя снабжать людей, однако возможно создать такие правовые и экономические условия, при которых бездарный предприниматель будет сам выключаться из хозяйства. Чувство справедливости нельзя ввести законом, но его должно воспитывать и контрольно карать всякую явную несправедливость (введение *особой социальной ответственности*, слабые начатки которой мы видели в фабричной инспекции¹). И доброту нельзя предписать; но ее надо укреплять и воспитанием, и организацией общественного мнения.

20 июля 1948 г.

Социальность или социализм?

Эти два понятия отнюдь не совпадают. «Социальность» — это живая справедливость и живое братство людей; и потому всякое установление, всякий порядок, всякий закон, от которых жизнь становится справедливее и братство крепнет, — «социальны». Понятно, что первое условие «социальности» — это бережное отношение к *человеческой личности: к ее достоинству, к ее свободе*. Порабощение и унижение человека исключает «социальность», ибо социальность есть *состояние духа и порядок духовной жизни*; говорить о социальности, унижая человека, делая его рабом, — нелепо и лицемерно. Сытые холопы остаются холопами; роскошно одетые и в комфорте живущие рабы не перестают быть рабами и становятся тупыми, развратными и самодовольными рабами. Режим угроз, страха, доносов, шпионажа, лести и лжи никогда не будет социален, несмотря ни на какую возможную «сытость». Человеку нужны, прежде всего, — *достоинство и свобода*; свобода убеждений, веры, инициативы, труда и творчества. Только достойный и свободный человек может осуществить живую справедливость и живое братство. Рабы и тираны всегда будут хотеть другого и проводить в жизнь обратное.

Это коварный обман обещать людям под именем «социализма» справедливость и братство и потом отнять у них достоинство, свободу, способность к братству и путь к справедливости. Именно

так поступили в наше время социалисты (в их коммунистическом обличье), и они могут быть уверены, что человечество никогда не забудет им этого.

Итак, «социальность» есть *цель и задача государственного строя*, создаваемого, по слову Аристотеля, «ради прекрасной жизни». «Социализм» же есть только *один из способов*, предложенных для осуществления этой цели и этой задачи. «Социальность» нужна при всяких условиях; а «социализм» — *только при том условии, если он действительно осуществляет «социальность»*.

«Социальность» завещана нам Евангелием как любовь к ближнему, основанная на любви к Богу; но о социализме в Евангелии нет ни слова, ибо раздача личного имущества и нестяжательность как высшая ступень христианской добродетели — не имеет ничего общего с социализмом. Социализм не раздает из любви, а отнимает из ненависти и зависти; он есть разновидность земного стяжательства; он ищет коллективного обогащения и для этого создает личное нищенство для всех; он сулит всем равное потребительное богатство — и обманывает.

Первые христиане попытались достигнуть «социальности» посредством своего рода добровольной складчины и жертвенно-распределительной общности имущества; но они скоро убедились в том, что и такая элементарная форма принудительной негосударственной имущественной общности — наталкивается у людей на недостаток самоотречения, взаимного доверия, правдивости и честности. В Деяниях апостольских (4, 34–37; 5, 1–11) эта неудача описывается с великим объективизмом и потрясающей простотой: участники складчины, расставаясь со своим имуществом и беднея, начали скрывать свое состояние и лгать, последовали тягостные объяснения с обличениями и даже со смертными исходами; жертва не удалась, богатые беднели, а бедные не обеспечивались; и этот способ осуществления христианской «социальности» был оставлен как хозяйственно несостоятельный, а религиозно-нравственно — неудавшийся. Ни идеализировать его, ни возродить его в государственном масштабе нам не приходится.

Общность имущества вообще есть дело претрудное и требующее легкой и свободной добровольности. Но *именно добровольную общность не следует* смешивать ни с социализмом, ни с коммунизмом (как делают анархисты-коммунисты).

Неразделенный крестьянский двор, где ссорятся две-три семьи, — не есть образчик социализма. Добровольную общность части имущества мы наблюдаем в артели, в ученом обществе, у студенческой организации, у скаутов¹, у «Соколов»², в кооперативе, в акционерной компании и т. д.

Во всем этом нет никакого социализма, ибо это есть общность добровольная, не отменяющая частную собственность и могущая быть прекращенною. Социализм же принудителен, окончателен, бессрочен и враждебен частной собственности.

Элемент социализма имелся в русской крестьянской общине, государственно-принудительной, бессрочной и ограничивающей свободное распоряжение землей. Община казалась целесообразной и «социальной» потому, что связанные ею крестьяне старались преодолеть ее отрицательные стороны справедливым распределением пользующейся земли и несомого бремени (переделы по едокам и круговая порука). Но на деле это повело к аграрному перенаселению в общине и во всей стране, к экстенсивности и отсталости крестьянского хозяйства, к стеснению и подавлению личной хозяйственной инициативы, к аграрным иллюзиям в малоземельной крестьянской среде и потому к нарастанию революционных настроений в стране; ибо замаринованные в общине крестьяне воображали, будто в России имеется неисчерпаемый запас удобной земли, который надо только взять и распределить, — тогда как осуществившийся в начале революции «черный передел» дал им на самом деле прирезок в *две пятых одной десятины на душу* (чтобы затем отнять у них и все остальное).

История показывает, что с социализмом всегда связывались всевозможные иллюзии и самые необоснованные надежды. Наша эпоха призвана разрушить эти иллюзии, погасить эти надежды.

Разъединенные телом и душой, духом и инстинктом самосохранения, — люди способны выносить общность имущества лишь постольку, поскольку им удастся преодолеть это разъединение любовью, дружбой, совестью, щедростью, личным благоволением, духом, внутренней дисциплиной и, главное, добровольным согласием.

При всяких иных условиях общность имущества будет вести только к разочарованию, вражде, насилию, воровству и хозяйственным неудачам. Она будет создавать каторжный, тоталитарный режим, всеобщее рабство и падение культуры. Современному человечеству, захваченному социалистическими иллюзиями, придется все это изживать до протрезвления.

Русская революция была безумием

Она была безумием, и притом *разрушительным безумием*. Достаточно установить, что она сделала с русской религиозностью всех исповеданий, в особенности с Православной церковью; что